

Александр Арсаньев

Инфернальная мистификация

Александр Арсаньев
Инфернальная мистификация
Серия «Записки масона», книга 5

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167120*

Содержание

I	7
II	57
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Арсаньев

Инфернальная мистификация

Дмитрий Михайлович Готвальд, довольно известный в столичных научных кругах этнограф, прибыл в Тобольск изучать тюремный фольклор. Нежданно-негаданно изменчивая фортуна улыбнулась ему одной из своих очаровательнейших улыбок: в руки к нему попало подлинное сокровище, тем более, бесценное для исследователя, каким Дмитрий Михайлович и являлся. Бродяга Гурам, знаменитый своими песнями, продал Готвальду целый сундук с записями масона, разрешенного мастером от силанума – священного обета молчания.

Дмитрий Михайлович отложил в сторону только что прочитанную тетрадь, на первой странице которой, в правом верхнем углу каллиграфическим почерком было начертано следующее название:

«ДНЕВНИК ЯКОВА КОЛЬЦОВА, ДВОРЯНИНА,
ОТСТАВНОГО ПОРУЧИКА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
ПОЛКА, ИМЕВШЕГО НЕСЧАСТИЕ
СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ СЕБЯ УЧАСТИЕМ В
ИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЯХ ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА
И СОСЛАННОГО НА ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРОД

ТОБОЛЬСК».

Сундук Гурама весь был наполнен такими рукописями.

Дмитрий Михайлович склонился над ним и извлек на свет Божий еще одну бархатную тетрадь в темно-лиловой обложке. Она так же, как и остальные, была исписана все тем же знакомым почерком и кое-где изрисована странными знаками, имеющими, на взгляд Готвальда, символически-мистический смысл.

– Так, так, посмотрим, – возбужденно проговорил Дмитрий Михайлович. Он раскрыл тетрадь, перевернул страницу и пробежал ее воспаленными, вследствие бессонной ночи, глазами.

«Я, Яков Андреевич Кольцов, девятнадцати лет от роду, вступивший в орден „Золотого Скипетра“, считаю для себя возможным оставить эту рукопись...»

– Так и есть, – обрадовался Готвальд, – очередной дневник масона Якова Кольцова, поручика Преображенского полка, вышедшего в отставку из-за ранения, полученного им в битве под Лейпцигом! И что же он отважился изложить на этих страницах?!

Дмитрию Михайловичу уже было известно, что на плечи Кольцова в ордене «Золотого скипетра» были возложены обязанности полицейского рода. Якову Андреевичу одному было ведомо, сколько загадочных дел ему довелось распутать, сколько злодеев разоблачить и сколько преступлений предупредить...

«Я всегда, образно говоря, сжимал в руках обнаженный меч, призванный защищать закон и карать предателей. Мне, посвященному в одну из рыцарских степеней, предстояло всю жизнь преследовать воров и убийц, посягнувших на человеческое счастье...» – вспомнились Дмитрию Михайловичу строки из уже прочтенного дневника.

Готвальд уселся в кресло красного дерева, держа в руках заветную тетрадку. Ему не терпелось вернуться в первую четверть девятнадцатого столетия...

I

Этой ночью мне не спалось, какие-то смутные предчувствия терзали меня. Измученный бессонницей, я ворочался с боку на бок на своей оттоманке, когда тайная дверь в моем кабинете, скрытая с глаз за коричневым гобеленом, тихонечко приоткрылась, и кто-то зажег фонарик под сводчатым потолком.

– Доброй ночи, – улыбнулся Кутузов, у которого вошло в привычку появляться в моей комнате в доме на Офицерской улице непременно таким вот образом.

– *Charme de vous voir*, – не слишком искренне ответил я, усаживаясь на оттоманке, потому что на самом-то деле не особенно рад был видеть Мастера в столь поздний час.

Визит Ивана Сергеевича, моего Мастера и наставника в масонской ложе, скорее всего не предвещал собой ничего хорошего, а только свидетельствовал об очередном преступлении, которое уже свершилось или должно было вот-вот свершиться. Должен признать, что отношение мое к нему было в некотором роде предвзятым и пахивало черной неблагодарностью, потому как именно Кутузов показал мне вход в тайную храмину масонской ложи, протянув мне в трудную минуту «братскую» руку помощи. И если бы не Иван Сергеевич, то вряд ли мне удавалось бы вести в Пальмире Финской безбедное и, я бы даже сказал, блистательное, существова-

ние, потакая всем своим прихотям и утоляя свою неистребимую потребность в роскоши. Чего стоил один только мой выезд! Я имел в те времена четырехместную карету, запрягаемую шестью лошадьми, кабриолет, дорожный дормез и крытые зимние сани.

Витражное стекло в моей келье заиграло всеми цветами радуги. Блики от фонарика словно вдохнули жизнь под стрельчатые своды комнаты, выстроенной в мрачноватом готическом стиле. Правда, ее слегка оживляла шелковая, нежно-розовая обивка на стенах. Но сегодня на шелк легла тень от высокой фигуры Кутузова. Вопреки тому, что к этому времени я уже мог смело именовать себя рыцарем белой ленты, то есть быть посвященным в одну из высших степеней в шведской системе строгого послушания, которой придерживался наш Орден, я все еще вздрагивал, когда тень Наставника появлялась у меня за спиной.

– Что привело вас ко мне? – осведомился я и тут же добавил: – Присаживайтесь!

Я никогда не позволял себе единственной роскоши – забывать о приличиях! Кутузов уселся на круглый стул с изящной позолоченной спинкой.

– Как вы сами, наверное, понимаете, – хмуро проговорил Иван Сергеевич, бросив на меня пронизательный взгляд, – я ни за что не осмелился бы нарушить ваш сон, если бы на то меня не толкнули заслуживающие внимания, весьма веские обстоятельства...

Я согласно кивнул в ответ, стгорая от любопытства. Мне не терпелось услышать продолжение сказанного!

– Итак... – вкрадчиво начал я.

Кутузов хитро улыбнулся, словно угадал мои мысли.

– Вы, верно, слышали о смерти графа Александра Андреевича Оленина? – Иван Сергеевич выжидающе уставился на меня.

– Да, кажется, кое-что, – постарался припомнить я. – Но разве?.. – Мне было трудно вообразить, что смерть графа была насильственной. Александр Андреевич также числился в рядах нашего Ордена.

– Нет, нет, – поморщился Иван Сергеевич и замахал руками, будто прочитал мои мысли на расстоянии, как граф Калиостро, который, как считается, также принадлежал к одной из масонских лож. – Вы неправильно меня поняли!

– Тогда что же вы хотите сказать? – удивился я.

– Вероятно вы это узнаете, Яков Андреевич, если дадите себе труд выслушать меня до конца, – начал сердиться Кутузов. Он механическим движением поправил на своем пальце перстень с адамовой головой.

– Молчу, молчу, – улыбнулся я, оставаясь верным второй Соломоновой добродетели, которая заключалась в повиновении.

– Ну так слушайте, – смилостивился Иван Сергеевич. – У Оленина остался сын и две дочери, и, кажется, одна из них на данный момент подвергается смертельной опасности, – за-

метил он. – Ее брат утверждает, что она... как бы это сказать поделикатнее, – Кутузов замолчал, подыскивая подходящее слово. Я не осмелился в этот раз нарушить тишину, воцарившуюся под стрельчатыми сводами моего потолка. Наконец, Иван Сергеевич тихим голосом продолжил после недолгой паузы, – сходит с ума...

– Но я не совсем понимаю, причем здесь... – осмелился заговорить я. – Возможно, разумнее было бы обратиться к какому-нибудь врачу...

– Позвольте мне решать, что было бы разумнее, – раздражено проговорил Кутузов. Его впалые щеки залила пунцовая краска. Я же мысленно сотню раз пожалел о том, что сказал.

– Почему вы так печетесь об этом семействе? – с интересом спросил я. – Только потому, что их отец принадлежал к нашему братству? – я пытливо уставился на собеседника.

Я встал с постели, набросил на себя домашнее платье и зажег свечу в медном шандале, которая отбрасывала тень на литую чернильницу с торчащим из нее гусиным пером. Я невольно бросил взгляд на бисерный шнур сонетки, однако оставил идею позвать камердинера.

– Не только, – мрачно проговорил Кутузов в ответ, поправляя обильно украшенную жемчужинами и бирюзой булавку на своем шейном платке. – Разве вы не знаете, что и Владимир Оленин принадлежит к нашему тайному братству?

– Признаться, нет, – с сожалением проговорил.

У меня действительно до сих пор не было свободного доступа к орденскому архиву. Если не считать истории с братом Алавионом и Иерусалимским ковчегом, то я не переступал порога этой священной обители! Однако я был знаком с Владимиром Александровичем Лениным, подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка, вопреки тому, что даже не подозревал о его принадлежности к масонской ложе.

– Впрочем, это не имеет ровным счетом никакого значения! – воскликнул Кутузов, вскочил со стула и зашагал по комнате. – Оленин был мне другом, – признался он, – да и Владимир «брат» нам, – многозначительно изрек Иван Сергеевич. – А от вас требуется лишь разузнать, не угрожает ли юной Елене судьба более страшная, чем помешательство! Оленин говорил, будто его сестра все время чего-то остерегается и иногда поговаривает о том, что будто бы кто-то хочет ее извести. Нечисть какая-то, что ли?! Если все дело только в болезни... – Иван Сергеевич махнул рукой, – соберем лучших докторов, отправим ее куда-нибудь на воды. Исцелим мы ее, я не сомневаюсь! Но чует мое сердце, что здесь что-то не так!

– Вы стали очень подозрительны, Иван Сергеевич, – заметил я.

– Владимир тоже так считает, – неожиданно усмехнулся Кутузов, натягивая палевые перчатки.

– Вы уходите? – искренне удивился я. – Но...

– Яков Андреевич, переговорите с Лениным, – велел Ку-

тузов, – и разберитесь, вы, наконец, во всей этой чертовщине! Считайте, что это моя личная просьба, – сказал он мне на прощание и скрылся за темно-коричневым гобеленом.

Я дернул за шнур сонетки, но вместо камердинера на пороге появилась моя прекрасная Мира в кисейном капоте с розанами. Она встревожено смотрела на меня глубокими, вопрошающими глазами, черными, как индийская ночь.

– Снова этот ужасный человек приходил? – догадалась индианка. Я так и не сумел убедить ее в том, что обязан Кутузову всем, едва ли даже не жизнью! – Почему ты не отвечаешь? – встревожено осведомилась она.

– Приходил, – я согласно кивнул.

Мира была одной из самых прелестных женщин, каких мне только доводилось видеть и знать на свете. На своей родине она слыла целительницей и гадалкой. Я по сей день благодарю Господа Бога, позволившего мне спасти ее от той жуткой участи, что ей уготовили соотечественники в Калькутте. У меня все еще стоит перед глазами картина того жертвенного костра... Я все еще чувствую запах того горького дыма, смешанного с дурманящими парами опиума!

Мира добровольно взяла на свои хрупкие плечи обязанности управительницы и экономки в моем петербургском особняке. После того, что случилось в имении князя Титова, я предлагал ей даже обвенчаться в тайне от света, но индианка так и не вняла моим мольбам. Она лишь ссылалась на отсутствие в Санкт-Петербурге истинного брахмана, который

связал бы нас священными узами брака, согласно ее обычаям. Я не стал допытываться настоящей причины ее нежелания стать моей женой. К стыду своему, я был должен признать, что мне такое положение вещей даже удобно. А белые женские перчатки, которые передал мне обрядоначальник при посвящении меня в масонское братство, те самые, которые я должен был вручить избраннице моего сердца, остались пылиться в ларце, хранившемся в тайнике, устроенном мной в кабинете за картиной Гвидо Ренни.

– Снова кого-то убили? – поинтересовалась она.

– Нет, – покачал я в ответ головой.

– Странно, – протянула она, зябко кутаясь в капот.

Я заметил, что мою индианку знобило. В моем кабинете было довольно прохладно. Я все еще не успел приказать затопить камин. Домашние дела с каким-то завидным постоянством ускользали от моего пристального внимания!

– Иди же ко мне, в мои *embrassement*! – улыбнулся я. – Я согрею тебя, – и протянул к ней руки.

Она послушно шагнула ко мне, и я почувствовал под своей ладонью, как жарко забилося ее сердце в груди. Дыхание индианки опалило меня. Мало того, что Мира была несказанно хороша собой и питала ко мне искреннюю привязанность, ко всему этому она была еще и искусной любовницей, что нисколько не умаляло ее достоинств...

Утром я, как и полагалась столичному франту, провел около часа за зеркалом, позаботившись о красоте ногтей и

прически. Мира некоторое время иронично наблюдала за мной, а потом собственноручно изящно повязала мне галстук.

– Вы отправитесь сегодня гулять на Невский проспект? – поинтересовалась она. – Или на бульвар вдоль Адмиралтейства? Возьмете меня с собой?

– Нет, – вынужден был я ее разочаровать.

– Как это нет?! – всплеснула руками моя индианка. Обычно я всегда брал ее с собой на прогулки, разумеется, если обстоятельства позволяли.

– Нет и все, – коротко бросил я. – Я потом тебе все объясню!

– Мне и так все расскажут карты, – нахмурилась Мира. – Впрочем, Бог с вами! Идите! – капризно повела она плечами. – Вы хотя бы к обеду вернетесь?

– Нет, – снова покачал я головой. – Я сегодня обедаю во французском ресторане на Мойке.

Мне было известно, что именно там зачастую утолял голод Владимир Ленин, с которым я намеревался сегодня же переговорить.

– А-а... – протянула Мира. – Петербургская золотая молодежь, – горько усмехнулась она и вышла из комнаты.

Я отправился в ресторан пешком. Мне хотелось прогуляться по Невскому, тем более что погода выдалась на редкость хорошая. Потом я зашел в ресторан на Мойке и начал искать глазами Ленина, который, как мне было известно,

считался здесь завсегдаем. Я заметил его уже издали, среди столь же блистательных офицеров, сверкающих своими мундирами, крестами и эполетами.

Оленин тоже узнал меня. Он встал из-за стола и пошел мне навстречу, не дожидаясь того момента, когда его приятели в мундирах заметят меня.

– Иван Сергеевич сказал мне, что вы желаете со мной переговорить о некоем деле весьма деликатного свойства, – многозначительно начал я.

– Я рад, что вы согласились принять в этом участие, – тихо отозвался Оленин. – Однако мне бы хотелось переговорить с вами наедине, – добавил он и направился к выходу.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как распрощаться с надеждами на сытный обед и отправиться вслед за ним.

Мы вышли на проспект, где пешком прогуливались молодые люди в военной форме и франтоватые штатские, разглядывающие в лорнеты модно одетых женщин. Взад и вперед по мостовой сновали экипажи и дорожные коляски.

– Итак?... – я вопросительно уставился на Оленина. Это был приятный молодой человек с красиво уложенными светло-русыми волосами, прозрачными голубыми глазами, тонкими чертами лица и изящными манерами. – Что стряслось с вашей сестрой? – осведомился я.

– История очень неприятная, – поморщился граф Владимир. – По-моему, она возомнила, что кто-то собрался сжить

ее со свету, – Оленин пожал плечами. – Я рад, что мы с вами оказались причастными к общему делу, – добавил он.

– Вы недавно в братстве? – осведомился я. – Мне не разу не доводилось видеть вас на собрании ложи.

– Да, – кивнул граф Оленин. – Я и не ожидал, что капитал ложи примет в нашей беде столь деятельное участие, – смутился он. – Я полагаю, что это в основном обусловлено заслугами нашего отца...

– Отчасти, – ответил я. – Но давайте все же вернемся к нашему делу. Вы считаете, что у вашей сестры нет оснований думать подобным образом?

– О чем вы говорите?! – возмутился Оленин. – Кто может желать смерти моей сестры? Она прекрасная девушка с чистой душой и искренним сердцем! Или мы с вами живем не в цивилизованном обществе?! – Он бросил на меня убийственный взгляд светлых глаз. Судя по всему, граф не вполне был осведомлен о роде моих орденских обязанностей. Впрочем откуда ему было знать о том, сколько ужасных преступлений совершается в мире? – Я скорее склонен считать, что она больна, – настойчиво проговорил Владимир.

– Не могли бы вы, граф, подробнее рассказать мне все обстоятельства вашего дела? – осведомился я.

– Ну, разумеется, – кивнул Оленин. – Элен с месяц назад стала странно себя вести, – задумчиво проговорил он. – Она все время твердит про какую-то фамильную легенду. Сколько я ни старался, но так и не сумел убедить ее в том, что все

это вздор, бабьи сплетни и вымысел! Это древнее родовое проклятие... – граф осекся и замолчал.

– О чем вы говорите? – удивился я. – Какое еще родовое проклятие? Что еще за легенда?

– Ну, – протянул Владимир, – признаться, я не особенно вдавался в подробности. – Бросалось в глаза, что графу не слишком хотелось посвящать меня во все это. Однако он сделал усилие над собой и произнес: – Кажется, речь идет о каком-то упыре, вампире, который раз в несколько поколений выбирает себе невесту в нашем роду, – Оленин невесело усмехнулся, скулы на его лице нервно задергались. – И как будто чаще всего эта нечисть преследует старшую дочь обычно почившего к этому времени главы семейства... – граф бросил на меня отчаянный взгляд, который совсем не вязался с его воинской выправкой и офицерским мундиром. – Эта легенда еще с незапамятных времен передается в нашей семье из уст в уста, – с некоторой неловкостью заметил он.

– И кто же наложил на ваш род это проклятие? – заинтересовался я. Наша беседа с каждой минутой становилась все любопытнее. Теперь я уже не удивлялся тому, что Иван Кутузов занялся всерьез этим делом.

– Ну... – протянул Оленин, – вряд ли кто-нибудь сумеет дать хотя бы мало-мальски достоверный ответ на этот вопрос, – вновь усмехнулся он.

– Но в вашей легенде наверняка есть на этот счет какие-нибудь указания, – отозвался я с невольной иронией.

– Да, – кивком головы подтвердил Владимир, – в ней речь идет якобы о каком-то отвергнутом возлюбленном, который наложил на себя руки по вине одной из дочерей нашего рода, – уточнил Оленин. – Он будто бы превратился то ли в оборотня, то ли в вампира и проклял всех женщин в нашем роду...

– Итак, ваша сестра утверждает, что она и есть именно та женщина, на которую пал перст вампира, – подытожил я.

– Вот именно, – кивнул Оленин. – Поэтому-то я и полагаю, что Элен душевно больна!

– А у вас не возникло мысли, что вашу сестру кто-нибудь разыгрывает? – прагматично осведомился я, поигрывая цепочкой своих часов.

– Нет, – коротко отрезал Оленин. – Это был бы слишком жестокий розыгрыш!

– Но тогда почему вы обратились ко мне, а не к какому-нибудь известному и хорошо зарекомендовавшему себя доктору? – удивленно полюбопытствовал я. – Раз вы, *monsieur le comte*, всерьез полагаете, что графиня больна?

– Увы, – вздохнул Владимир. – Но Елена не считает себя больной, – развел он руками. – К тому же мне самому хотелось бы быть уверенным, что все это всего лишь плод ее экзальтированного воображения...

– Значит, вы все-таки в этом сомневаетесь, – проговорил я задумчиво.

– Нет, – возразил Оленин. – Но мне не хотелось бы оши-

баться!

– Итак, когда я могу приступить к расследованию? – У меня не было желания терять драгоценное время.

– Когда только сочтете нужным, – пожал плечами Оленин.

– Тогда мне хотелось бы как можно скорее встретиться с вашей сестрой, – отозвался я.

– Приходите к нам около восьми, – пригласил Оленин. – Сегодня все наши собираются на бал, который состоится у Вяземских, – тепло улыбнулся он. – Я думаю, вы успеете расспросить Элен перед отъездом... Она все равно не отправится на бал раньше одиннадцати.

– Это удобно? – осведомился я.

– Вполне, – кивнул головой Оленин.

* * *

Когда я вернулся домой, моя милая Мира уже дожидалась меня в английском парке, примыкавшем к особняку с античным колонным портиком. Индианка все еще обижено поджимала губы, но я видел, что она уже готова сменить гнев на милость, потому как успела по мне соскучиться.

– Я раскладывала карты Таро, – заговорчески сообщила мне Мира, кутаясь в кашмирскую шаль. – Одной девушке, с которой вы, Яков Андреевич, познакомитесь в самом ближайшем будущем, – пророчествовала она, – угрожает опасность! Я видела смерть в перевернутом положении, перевер-

нутую императрицу и короля мечей!

– Я догадывался об этом, – заметил я.

– О том, что я видела в раскладе? – изумленно осведомилась Мира.

– В некотором роде, – усмехнулся я и с нежностью обнял ее за плечи. – Кстати, а где Кинрю? – вдруг вспомнил я о моем Золотом драконе, добровольно возложившем на себя обязанности моего ангела-хранителя.

– Юкио Хацуми читает мои книги в библиотеке, – усмехнулась индианка, поправив гранатовый браслет на своем изящном запястье, который изумительно сочетался с ее струящимся темно-вишневым сари. – Он значительно преуспел в непальском, – весело сказала она.

Кинрю я привез с собой из Японии, где в свое время выполнял особой важности тайное поручение Ордена. Золотой дракон, так переводилось это имя на русский, выручил меня из беды, поплатившись видным положением при дворе. Ему не осталось ничего другого, как покинуть вместе со мной Японию. Он не любил, когда кто-то называл его Юкио Хацуми, кроме меня.

В столовой стараниями Миры был уже сервирован стол, накрытый накрахмаленной скатертью. Он был украшен на французский манер фарфоровой группой, которая называлась «сюрту де табль».

– И где ты только всему этому научилась? – дивился я.

Мира только загадочно улыбалась. Она схватывала на ле-

ту все принятые в свете хозяйские тонкости.

Кинрю, тем временем, заканчивал свой обед. Лакей в парадной ливрее уже подал ему фрукты на серебряной этажерке и теперь как раз наполнял его рюмку вишневым ликером.

– Яков Андреевич! – обернулся японец. – И где же вы пропадали? Мира сказала мне, что вас вновь навещал Кутузов. Неудивительно, что вы стали страдать бессонницей!

Я промолчал в ответ, потому что устал объяснять моим домочадцам, в чем именно заключалась моя работа.

– Очередное ужасное преступление? – Кинрю еще больше прищурил свои и без того узкие глаза.

Я заметил, что он весь напрягся. Мой Золотой дракон предпочитал никуда не отпускать меня одного. Поэтому во избежание недразумений я представлял его всем в качестве своего преданного слуги.

– Еще не знаю, – откровенно признался я. – По крайней мере, я надеюсь, что мне удастся его предотвратить, – проговорил я задумчиво и пересказал Кинрю историю, услышанную мною от молодого графа.

– Определенно здесь попахивает какой-то жутковатой мистификацией, – заключил Юкио Хацуми.

* * *

К семи часам я облачился в парадный черный нанковый фрак с узкими рукавами с рядом перламутровых пуговиц на

внутренней стороне от локтя до ладони, с манжетами и бархатным воротником, а также в длинные черные брюки. Низкий воротник моей сорочки Мира повязала белоснежным галстуком, к которому я приколот булавку с женским портретом, в окаймлении мелких бриллиантов. Булавка эта делалась на заказ и, должно быть, поэтому в женском лице, изображенном на ней, угадывались черты моей индианки.

Над бархатным фрачным воротником выдавался высокий воротник шелкового жилета. Мой костюм довершал цилиндр с прямыми полями и высокие сапоги. Поверх фрака я набросил темный бурнус.

– Вы снова не возьмете меня с собой, – расстроено проговорила индианка.

– Милая моя Мира, я же отправляюсь не на журфикс и не на бал, – оправдывался я. – Я обязательно должен расспросить Элен Оленину о ее вампире! Пока не случилось беды, – мрачно добавил я.

– Понимаю, – прошептала Мира почти беззвучно. Она завистливым взглядом проводила Кинрю, который забирался в мою карету, запряженную четверкой гнедых лошадей.

* * *

Трехэтажный особняк Олениных располагался на Обуховском проспекте. Его фасад был украшен портиком из четырех коринфских колонн, поднятых на аркаду первого эта-

жа. Двор, обнесенный чугунной решеткой, ограничивали с двух сторон боковые одноэтажные флигеля. Ярко освещенный парадный вход был украшен пилонами, поддерживающими арку.

Графский дом невольно напомнил мне дворец великого князя Михаила Павловича в миниатюре.

Я велел лакею в парадном дезабилье доложить обо мне Олениным. Кинрю остался дожидаться меня в карете. Лакей проводил меня в вестибюль, и я поднялся вслед за ним на второй этаж по мраморной лестнице. Дверь с галереи открывала вход в хорошо освещенную гостиную.

Лакей попросил подождать меня здесь, а сам отправился сообщить обо мне хозяевам.

Через несколько минут дверь приоткрылась, и на пороге появился Владимир Оленин. На нем лица не было.

– Яков Андреевич! – взволнованно воскликнул он. – Если бы вы только знали, как я рад вас видеть!

– Что-то случилось? – насторожился я.

– Элен заперлась в своей комнате и не желает никого видеть, – проговорил Оленин. – Идемте в мой кабинет!

Владимир устремился в гостиную. Я покорно последовал за ним сквозь анфиладу комнат. Гостиную сменила буфетная, следом за ней – столовая, затем – диванная и, наконец, бильярдная. На стенах красовались шелковые обои, комнаты были обставлены изящной позолоченной мебелью, повсюду сверкали огромные зеркала, красовались фарфоровые вазы

и бронзовые канделябры.

У дверей графского кабинета я столкнулся с двумя очаровательными особами женского пола. Судя по всему, одна из них другой приходилась матерью. Они были сильно похожи между собой: обе черноглазые, черноволосые, блестящие какой-то цыганской, вычурной красотой.

– Позвольте вам представить, Яков Андреевич, – проговорил Оленин, – графиню Наталью Михайловну, мою приемную матушку.

Я удивленно уставился на Владимира. Так значит...

– И мою сводную сестрицу Мари, – продолжал он представлять своих родственниц. – Мой друг, Яков Андреевич Кольцов, – в свою очередь отрекомендовал меня подпоручик.

– Очень приятно, – кивнула черноглазая барышня с высокой прической.

Ее милую головку обрамляли у висков чудесные локоны цвета вороного крыла. На ней было милое платье из нежно-бирюзового флера с завышенной талией на голубоватом чехле. По краю оно было украшено гирляндой из атласных цветов такого же зеленоватого оттенка цвета персидской бирюзы в тон ее невесомому платью. Смуглую шею девушки украшало ослепительное жемчужное ожерелье, еще две крупные морские жемчужины покачивались в ее очаровательных ушках.

Наталья Михайловна еще не успела переодеться к балу и

была облачена в темно-сливовый салоп, из-под которого выглядывало нижнее темное платье с оборками. Однако и в салопе эта моложавая женщина выглядела восхитительно. Она церемонно кивнула мне вслед за дочерью.

– С сестрой творится что-то неладное, – нежным глубоким голосом проговорила Мари.

– Идите к себе, – приказал Оленин двум женщинам.

– Ты пылу-то поубавь! – воскликнула Наталья Михайловна. – Поди, не с холопами разговариваешь, – усмехнулась она. – Выискался тут распорядитель!

Белокожее лицо Владимира вмиг сделалось пунцовым.

– Я прошу вас, идите к себе, – устало продолжал настаивать он.

– Я хочу присутствовать при вашем разговоре, – возразила Наталья Михайловна. – А ты, Машенька, можешь пока отправляться к себе, – кивнула она младшей Олениной.

– Да, матушка, – неохотно послушалась девушка и скрылась за одной из дверей, которая вела на парадную лестницу.

Будуар Елены Александровны располагался по соседству с кабинетом графа Владимира. Наталья Михайловна постучала кулачком в дверь комнаты, которая была заперта изнутри.

– Элен! – позвала она. – К вам пришли!

– Мне нездоровится, – слабым голосом отозвалась графиня.

Наталья Михайловна пожала плечами.

– Вот так всегда, – раздраженно проговорила она. – Что только позволяет себе эта девчонка?! Во всем волю взяла! А всего-то двадцатый год пошел, – вознегодовала Оленина.

– Пройдемте в мой кабинет, – сдался, наконец, Владимир. Он шагнул в едва приоткрытую дверь. Его мачеха и я последовали за ним.

Обстановка графского кабинета была достаточно строгой. На паркетном полу стояло несколько дубовых круглых стульев и кресел. Здесь же располагался диван, обитый зеленым штофом. У самого окна, занавешенного кисеей – секретер красного дерева, на нем – два бронзовых канделябра и трубка с чубуком, обшитым бисером. Здесь же находилась фарфоровая табакерка. На одной из стен – стеллаж, заставленный книгами. В углу возле камина примастился маленький столик с кофейным «дежене» на две персоны.

– Присаживайтесь, – Владимир кивнул в сторону дивана. – Нам предстоит решить, что делать с моей сестрой!

– Я не понимаю, – вкрадчиво проговорила Наталья Михайловна, – почему в этом деле должен быть замешан совсем посторонний человек! – Нетрудно было догадаться, что вдовствующая графиня имела в виду меня.

– Этот человек – мой друг, – повторил Оленин. – К тому же он немного сведущ в делах такого... Как бы это сказать? – Владимир обхватил двумя пальцами подбородок, – Такого деликатного рода!

– Так вы доктор? – Наталья Михайловна бросила на меня

пристальный взгляд.

– В некотором роде, – неопределенно ответил я.

– Что это значит? – не поняла графиня. – Что вы хотите этим сказать?

– Да прекратите же этот допрос! – раздраженно воскликнул подпоручик. – Вы ведете себя не лучше какого-нибудь квартального надзирателя!

Наталья Михайловна обиженно поджала тонкие губы и замолчала.

– Что происходит с вашей дочерью? – как можно мягче осведомился я.

– Мне самой хотелось бы это знать, – резко проговорила графиня. – Она стала сама не своя и ведет себя как умалишенная с того самого дня, как состоялась помолвка Мари!

– Что еще за помолвка? – с неподдельным интересом спросил я и взглянул на Оленина.

– Моя сестра помолвлена с поручиком Кузнецовым, – ответил Владимир. – Он служит в том же самом полку, что и я. Добрый малый, – Оленин пожал плечами, – красив, богат. Что еще надо светской столичной девушке?!

– Вы не могли бы рассказать мне о вашей семейной легенде? – обратился я к Наталье Михайловне, когда мое любопытство относительно помолвки Мари было удовлетворено. – О древнем проклятии, якобы нависшем над прекрасной половиной вашего рода?

– О! Снова этот бред! – всплеснула руками графиня. –

Мне кажется, что сейчас весь Петербург только об этом и говорит! – воскликнула она раздраженно.

– Ну, вы весьма преувеличиваете, – попытался я утешить ее. Однако графиня становилась все мрачнее с каждой минутой.

– Я полагаю, что вы и так уже обо всем достаточно хорошо осведомлены, – Наталья Михайловна бросила грозный взгляд на своего пасынка. – Так что именно вас интересует? – она прищурила свои бархатные глаза. Ей не терпелось прекратить этот разговор.

– Как давно об этом предании стало известно Элен? – поинтересовался я, рассматривая свое отражение в пузатом графине рубинового стекла на небольшом столике для завтрака.

– О, Господи! А мне-то откуда знать? – Наталья Михайловна перекрестилась. – Да, судя по всему, с малолетства, – пожалала она плечами. – Ей, верно, об этом няньки рассказывали! Что с деревенских баб возьмешь? – графиня возвела глаза к потолку. – Граф Александр Андреевич слыл в обществе известным либералом. Нет, чтобы для родной дочери француженку какую-нибудь выписать из-за границы. Только мне не понятно – к чему я вам все это рассказываю?!

– Так, значит, вы утверждаете, что Элен знала об этом едва ли не с самого рождения, – с удивлением констатировал я.

– Вот именно, – Наталья Михайловна закивала в ответ головой. – А все эти ее чудачества начались, ну... – графиня

ня ненадолго задумалась, – где-то около месяца назад, когда Кузнецов сделал Мари предложение! Я уж подумываю о том, не была ли она в него влюблена. Может, из-за этой любви она рассудком-то и помутилась!

– Матушка! – возмущенно прервал ее Владимир. – Как вы можете говорить об Элен в таком тоне?! Какая вы после этого...

– *Coute que coute*, – развела руками Наталья Михайловна и уже по-русски добавила: – Уж какая ни есть.

В этот момент у меня зародилось подозрение, что Елена Оленина, скорее всего, не приходится вдовствующей графине единокровной дочерью. Но я сделал вид, что только что услышанные слова не произвели на меня ровным счетом никакого неприятного впечатления.

– А что за чудачества Элен вы имели в виду? – осведомился я, поправляя булавку на галстук.

– Ну, – Наталья Михайловна задумалась, – к примеру, Элен любит уединяться днем, а ночью требует, чтобы с ней в ее комнате обязательно ночевала горничная! – Графиня плотнее запахнула салоп.

– Ну, в этом еще нет ничего криминального, – пожал я плечами. – Возможно, Элен, как и многие другие, всего лишь боится темноты, – высказал вслух я свое рациональное объяснение.

– Возможно, – согласилась графиня. – Но тогда почему она всю свою комнату обставила вазами с розами?

– Что странного в том, что девушка любит цветы? – деланно удивился я.

– Ничего, – в очередной раз не стала возражать Наталья Михайловна, – если не считать того, что Элен никогда не выходит из своей комнаты без ветки шиповника. И потом, она зачастила в церковь, привечает каких-то странниц... На днях я видела, как Элен купила себе осиновый крестик! Вам это ни о чем не говорит?

– Ваша дочь решила, судя по всему, бороться с нечистой силой, – ответил я.

– Вот именно, – закивала Наталья Михайловна. – И мне это очень не нравится, – скривилась она.

– Ее будуар весь пропах чесноком, – грустно вставил свое слово Владимир, который до сих пор молчал.

– Все бы было ничего, – расстроено проговорила Наталья Михайловна, – но Элен утверждает, что ее пытались убить! В свете уже поползли самые нелепые слухи, – сокрушалась она. – И это почти перед самой свадьбой Мари!

– Очень жаль, что я не могу переговорить с Еленой, – заметил я.

– Я вообще не понимаю, зачем вам все это надо?! – поморщилась Наталья Михайловна. Она поднялась со штофного дивана. – Прошу меня извинить, – церемонно проговорила графиня, – но мне надо переодеться к балу.

Я невольно взглянул на часы. Они показывали около десяти. Наталья Михайловна величественно вышла из комнаты.

– Мне, наверное, в скором времени тоже станет мерещиться всякая нечисть, – сокрушенно проговорил Оленин и опустился на темно-зеленый диван. Потом он резко встал, налил себе рюмку коньяка из графина, одним глотком опорожнил ее и отчаянно воскликнул: – Как здесь не спятить?!

Я только в этот момент заметил на стене саблю с ременным темляком в виде петли.

– Не правда ли, хороша? – проследил граф за моим взглядом. – Только вот бессильна она против вампиров, – Оленин с гомерическим смехом развел руками.

– Элен ваша единоутробная сестра? – догадался я.

– Да, – Владимир кивнул. Он предложил мне коньяк, но я отказался. Что-то подсказывало мне, что я должен иметь непременно трезвую голову. – Наша мать умерла, когда мы еще были совсем крошечными, – проговорил Оленин, помолчал, а потом продолжил: – Спустя пару лет отец снова женился.

– Как Наталья Михайловна все это время относилась к Елене? – полюбопытствовал я. – Мне показалось, что...

– Нет, – Оленин покачал головой. – Она, конечно, не смогла заменить нам родную мать. – Но стоит ли ее в этом винить? Мы с сестрой никогда не видели от нее ничего плохого, – Владимир пожал плечами. – Она старалась относиться к нам ровно, так же, как и к Мари. Но, к сожалению, у нас не могло сложиться с ней доверительных отношений! Теперь графиня очень переживает, что из-за этой истории с нечи-

стой силой брак ее дочери с Кузнецовым может расстроиться, – добавил он.

– Я непременно должен сам переговорить с Элен, – заявил я Владимиру.

– Вероятно, Яков Андреевич, вам в скором времени представится такая возможность, – отозвался в ответ подпоручик. – Я не удивлюсь, если Элен все же пожелает поехать на бал, – улыбнулся он.

– Но ведь вашей сестре нездоровится, – заметил я.

– Да, – подтвердил Оленин. – Однако в последнее время она особенно боится оставаться одна! Поэтому, чем многочисленнее общество, тем...

– Тем лучше себя чувствует ваша сестра, – догадался я.

– Совершенно верно, – невесело отозвался Оленин.

* * *

Кинрю терпеливо дожидался меня в четырехместной карете. Мне показалось даже, что он задремал, откинувшись на спинку сиденья, обтянутого бархатистой темно-вишневой тканью.

– Яков Андреевич, ну, наконец-то! – обрадованно воскликнул японец. – А то я уже начал волноваться, не случилось ли что?! Хорошо еще, на поиски не отправился, – он подмигнул мне слегка раскосым глазом. – Представляю, что себе навоображала Мира! Вам удалось что-нибудь узнать? –

осведомился Кинрю с нескрываемым любопытством. – В этом особняке и впрямь какая-то нечисть завелась?

– Не знаю, – усмехнулся я, удобно усаживаясь на сиденье. – Странно все как-то! Возможно, что юная графиня и в самом деле больна, – я пожал плечами. – Или кто-то намеренно сводит ее с ума.

– Но если это так, – вкрадчиво произнес Кинрю, – то должны же быть у этого кого-то какие-нибудь мотивы, – справедливо заметил он. – Вам удалось переговорить с Еленой Олениной наедине?

– Мне вообще не удалось переговорить с Элен, – констатировал я.

– Досадно, – причмокнул Кинрю. Он велел кучеру трогать и вновь обратился ко мне: – Кстати, а куда мы теперь направляемся?

– В Вяземскую лавру, – усмехнувшись ответил я. Так нарекли этот дом в народе.

– Куда? Куда? – переспросил Кинрю.

– К князю Вяземскому, – пояснил я. – Его особняк находится здесь неподалеку! Он выходит двумя большими флигелями на Обуховский проспект и на Фонтанку. – Кажется, князь дает бал сегодня...

Карета остановилась прямо у парадного входа. Здесь уже расположились несколько экипажей.

– Ну, вот мы и на месте. Подожди меня здесь, – попросил я Кинрю, а сам отправился к коринфским колоннам, пред-

варявшим парадный вход.

Мне удалось миновать вестибюль, не привлекая к себе пристального внимания. Однако у дверей танцевального зала мне пришлось все-таки отрекомендоваться камердинеру, который представил меня хозяевам дома, самим Вяземским, после чего я вошел в белоснежный зал с высокими мраморными колоннами. Навощенный паркет сверкал в свете множества канделябров, в центре зала в шотландском экосезе кружились пары. Возле стен стояла мебель из серебристого тополя, обтянутая нежно-голубым бархатом.

– Кузен! – услышал я у себя за спиной знакомый голос Божены Феликсовны.

– Сестрица! – обернулся я. – Признаться, я никак не ожидал тебя здесь увидеть!

– Так-то ты обо мне печешься! – усмехнулась она.

Божена Зизевская, как всегда, была восхитительна. Ей удивительно шел ее почти невесомый наряд – полупрозрачная зеленоватая муслиновая туника на золотом чехле, отделанная искусной вышивкой. Две изящные броши на ее хрупких плечах сверкали бриллиантовыми брызгами в свете сотни свечей. Платье было перехвачено под грудью широким поясом. Все пальцы Божены были унизаны кольцами, левую руку украсили несколько жемчужных браслетов. Ее золотистые волосы, завитые в кудри, были стянуты шелковой сеткой, роскошное тело источало дурманящий аромат пачули, за который в свете сестрицу мою Божену Феликсовну и про-

звали Цирцеей.

Божена была дочерью моей ныне покойной тетушки по отцу Софьи Романовны Кольцовой, которую не пощадила чахотка, и польского дворянина Зизевского, который погиб где-то в районе Дербентского ханства.

Сестрица была обладательницей весьма беспокойного нрава, огромного состояния и массы поклонников, курила гашиш, держала светский салон; могла дать ценный совет и с легкостью вступить в какое-нибудь тайное общество... Злые языки поговаривали, что она была в любовной связи с самим императором Александром Павловичем, во что, впрочем, я не особенно верил!

– Ты приехал развлечься? – Божена сверкнула сине-голубыми глазами. – Или?... – Она одарила меня красноречивым взглядом, потому как была немного осведомлена о роде моих занятий в ордене «Золотого скипетра».

– Или, – не стал отпираться я. – Меня интересует Елена Оленина, – прошептал я ей на ухо.

– Ах, вот оно что, – Божена прикусила губу. – А ведь я могла бы и сама на этот счет догадаться, – усмехнулась она.

В этот момент двери бального зала вновь распахнулись, и камердинер объявил о прибытии семейства Олениных.

Первым в танцевальный зал вошел мой знакомый подпоручик Владимир. Следом за ним появились Наталья Михайловна, Мария и Елена Оленины.

Старшая Оленина была в маске винного цвета, оторочен-

ной черными ажурными блондами из французского шелка. Ее высокую прическу венчала венгерская тока, усыпанная брильянтами, переливавшимися светло и жарко в пламени позолоченных канделябров.

Мари – в невесомом розово-сиреневом платье из флера на тончайшем чехле. Ее ослепительной красоты плечи были прикрыты одним только муслиновым шарфом, стянутым на груди. К балу она вновь успела переодеться.

Наконец, я впервые увидел Елену Оленину. Это была высокая светловолосая девушка с теми же чертами лица, что и у Владимира, с живыми, серо-голубыми глазами, кружевными иссиня-черными ресницами и милой улыбкой на прелестных устах. На ней был бальный длинный белоснежный роброн со шлейфом, затканым серебром; на плечах – такой же муслиновый шарф, что и у сестры; в волосах – белая широкая лента, приколотая золотой шпилькой к шиньону; на шее – кольцо из нескольких рядов жемчуга.

– Красавица! – на ухо мне восхищенно прошептала Божена. Я знал, что комплимент из уст моей кузины – это многого стоит!

Владимир едва заметно кивнул мне, тогда как Наталья Михайловна, приняв чопорно-неприступный вид, проплыла мимо меня, будто бы не заметила.

– Ты уже знаком с Еленой? – осведомилась Божена. Она с искренним любопытством рассматривала наряд из лионского шелка на юной Олениной.

– Нет, – я отрицательно покачал головой. – Но я надеюсь, что ты, кузина, все-таки соблаговолишь ей меня представить!

– Ты, милый братец, как всегда, в своем амплуа, – усмехнулась Зизевская, легонько хлопнув по краю платья крошечным веером. – Возможно, – сложила она свой ротик в очаровательной улыбке, тем самым, якобы, подавая мне крошечную надежду. Аналогичным образом кузина, судя по всему, забавлялась со своими многочисленными поклонниками.

В этот момент какой-то молодой человек пригласил Элен на гроссфатер. Как только зазвучал старинный немецкий танец, Оленина оказалась в самом центре бального зала. Я не мог оторвать взгляда от этой экзальтированной особы, которая, казалось, жила фамильным преданием и излучала его флюиды. У нее на лице было написано, что ей уготована какая-то inferнальная участь!..

– Яков! Это даже неприлично, в конце-концов, – прошипела Божена.

– Ты заметила, как она бледна? – отозвался я.

– Да, – тихо подтвердила Божена. – В свете ходят слухи, что Оленина не в себе, – многозначительно добавила она.

– Кто с ней? – осведомился я.

– Не знаю, – Божена пожала плечами. – Какой-то повеса. Во всяком случае, не жених! Это уж точно!

– У Элен есть жених? – насторожился я.

– Теперь уже нет, – Божена снова щелкнула веером. –

Был, – пояснила она.

– А ты не могла бы рассказать поподробнее?

– Отчего же? Могла бы! – соблаговолила кузина. – Только не сейчас, разумеется, – усмехнулась она.

Я перевел взгляд на Мари, которая тоже оказалась в гуще танцующих. Она была в паре с офицером Семеновского полка.

– Это еще кто? – осведомился я.

– Чаще надо в свете бывать, – ядовито заметила Боже-на Феликсовна. – Константин Кузнецов, собственной персоной! Блестящая партия!

– Ах, да, – припомнил я, – будущий супруг Марии Александровны!

– Вот именно, – подтвердила кузина.

Это был высокий брюнет с нафабранными усами, красавец, под стать своей очаровательной спутнице.

Когда музыка смолкла, Элен и Мари вернулись в общество матушки, а Константин присоединился к группе других офицеров и вместе с ними направился в сторону парадной лестницы.

– Куда это они?

– В буфет, наверное, – пожала плечами Боже-на, бросив на меня какой-то блуждающий взгляд. Я должен был признать, что в своих мыслях моя кузина была где-то совсем далеко отсюда.

Ко мне подошел Оленин.

– Я рад, что вы, Яков Андреевич, меня послушались, – улыбнулся Владимир. – Как только представится удобный момент, я познакомлю вас с Еленой, – пообещал он мне.

В эту секунду я заметил, что Элен движется к окну. У нее был такой вид, словно ее очень занимало то, что в этот час происходило на улице. Она приоткрыла раму, комкая в руке тончайший платок с вензелями.

– Что это она делает? – вслух удивилась Божена Феликсовна.

Девушка отшатнулась от окна, будто бы увидела привидение. Она отпустила раму, и в танцевальный зал ворвался поток осеннего холодного ветра. Рама с грохотом захлопнулась, стекло разбилось, и осколки со звоном посыпались на пол. Элен, кажется, повредила руку.

– О, нет! – всплеснула руками Наталья Михайловна.

– Mon dieu! Боже мой! Что же это такое?! – простонала Зизевская. – Что она там увидела?

Елена Оленина вскрикнула и лишилась сознания. Падая, она задела шарфом свечу, и муслин вспыхнул факелом у нее на плечах. Штофная гардина тоже запылала.

– Помогите же кто-нибудь! – взмолилась Наталья Михайловна.

Когда оцепенение, длившееся какую-то долю секунды, наконец, миновало, все бросились на помощь Элен, которая и в самом деле подверглась серьезной опасности.

Владимиру Оленину самому удалось сбросить с плеч Элен

злополучный шарф, который тут же был затушен расторопным лакеем в парадном дезабилье. Несколько рук сорвали с окна гардину. Ее тут же залили водой.

Девушку уложили на широкую низкую оттоманку с подушками и позвали врача. Танцевальный вечер Вяземские объявили законченным. Мне так и не удалось досмотреть до конца, как Элен приводили в чувство.

– Что же явилось причиной обморока?! – недоумевала Божена, спускаясь вниз по мраморной лестнице. – Что Оленина могла увидеть на улице? – говорила она, пока лакей набрасывал ей на плечи бархатное пальто. – Да еще в такой темноте?

– Мне бы самому хотелось знать ответ на этот вопрос, – отозвался я, усмехнувшись, – больше, чем что-либо еще!

Не успели мы выйти на улицу из особняка, как ударила молния, и разразилась гроза.

– Вот это да! – воскликнула Божена Феликсовна, устремляясь к своему экипажу. – Завтра увидимся! – на прощание прокричала она.

Я побежал к своей карете, где меня должен был дожидаться мой верный ангел-хранитель.

– Скорее! Яков Андреевич! Скорее! – торопил Юкио Хацими. – Вымокнете же все! Вновь лихорадку схватите! – Он намекал на болезнь, подкосившую меня, когда мы разыскивали с ним затонувшую наполеоновскую казну.

Наконец, наши лошади тронулись с места в сторону Офицерской улицы. Дождь лил как из ведра.

– Вот за что не люблю я вашу страну, так это за то...

Я предпочел проигнорировать его выпад, а потому перестал слушать.

– Как прошел раут? – наконец перешел на другую тему Кинрю. – Удалось что-нибудь узнать? Что-то бал сегодня закончился раньше обычного, – японец бросил на меня пыливый взгляд прищуренных глаз. – Похоже, что и до мазурки-то не дошло, не то что до котильона! Только полночь наступила...

Я перевел взгляд на часы. Золотой дракон был прав, стрелки показывали четверть первого.

– Бал закончился раньше обычного, – подтвердил я задумчиво.

– Почему?

– С графиней беда случилась, – проговорил я в ответ.

– С молодой Олениной? – догадался японец. Он словно читал мои мысли.

– Да, – я кивнул, – с Еленой Александровной! А ты откуда знаешь?..

– Это она в окно выглядывала? – осведомился Кинрю, щелчками оправляя манжеты на рукавах своей белой рубашки.

– А ты что же, за окнами следил? – не поверил я собственным ушам.

– Ну, не из праздности же я с вами по балам разъезжаю, – искренне возмутился мой Золотой дракон. – Или вы думаете...

те, что у меня и дел других нету? Непальский язык, к примеру, с Мирой разучивать...

– Ну и ну! – подивился я. – И что же еще ты видел?

– Будто вспыхнуло что-то, – сказал Хацуми. – Я уж было подумал – пожар! Чуть было из беды выручать вас не бросился.

– Это Элен задела шарфом свечу, – объяснил я японцу. – Ну, вот гардина-то вместе с шарфом и вспыхнули! К счастью, дело закончилось легким испугом!

– А как Элен? С ней все в порядке? – поинтересовался Кинрю.

– Не знаю, – развел я руками в ответ. – Надеюсь на это, во всяком случае! Когда я уходил, Ленину, как раз, пытались привести в чувство. Ума не приложу, что же могло ее так напугать! Она с самого начала бала была сама не своя, бледная, будто призрак!

– Так, может, графиня и увидела призрак, – задумчиво проговорил японец.

– О чем ты? – не понял я. – Ты что-то видел?

– Да, – подтвердил Кинрю.

– Ну, не томи же! Говори! – Я с трудом подавил в себе желание потрясти его за грудки. – Чего ж ты медлишь?! Мытарь!

– Что-то вы сегодня, Яков Андреевич, не в себе тоже, как и графиня, – усмехнулся Кинрю, словно намеренно выводя меня из себя.

– Итак... – настаивал я. Не хватало еще, чтобы мой японец надо мной издевался!

– За несколько минут до того, как штофная гардина запылала в бальном зале особняка, – таинственно начал Кинрю, – с черного входа вышел какой-то господин в белом бурсе. Его провожал лакей, по крайней мере, одет этот человек был в ливрею, – оговорился Юкио.

– Что еще за господин? – насторожился я. На какое-то мгновение мне показалось, что завеса тайны стала немного приподниматься!

– Ну, откуда же мне знать?! – усмехнулся Кинрю. – Я его в первый раз видел, – нахмурился он. – К тому же, черты его лица скрывал капюшон...

– И что же он делал? – продолжал допытываться я.

– Да ничего особенного, – развел руками Кинрю. – Под окнами танцевального зала прохаживался. Потом в окне появилась графиня. Он, кажется, ей рукой помахал. В этот момент гардина и вспыхнула, а когда я взгляд от окна сумел оторвать, незнакомца и след простыл!

– Вот так история! – проговорил я взволнованно. – Вряд ли Елена могла бы так испугаться при виде какого-нибудь незадачливого поклонника, – заметил я. – Кстати, я так до сих пор и не выяснил ничего касательно ее личной жизни...

– Промашка вышла, – отозвался Кинрю. – Ведь если вы имеете дело с барышней, – японец пожал плечами, – то...

– О чем это ты? – усмехнулся я. – На что это ты намека-

ешь, мой дорогой Юкио?

– Сами знаете, – японец мне подмигнул. – Но здесь, кажется, дело в чем-то совсем ином, – его лицо сделалось серьезным. – Вряд ли речь идет об амурных шалостях!

– В этом-то я с тобою согласен, – протянул я разочарованно. – Только вот знать бы еще, кого же именно она так боится!

– Так узнаете, – уверенно заявил Кинрю. – Не впервой!

– Узнаю, – эхом отозвался я в ответ, хотя пока у меня в этом не было совсем никакой уверенности.

Мира, вся промокшая и продрогшая, встречала нас у самого входа в тонком полупрозрачном спенсере на лебяжьем пуху. На фоне мраморных колонн античного портика, в отсвете молний индианка сама казалась каким-то фантастическим существом.

– Ты совсем с ума сошла! – всполошился я. – Схватишь какую-нибудь грудную болезнь!

– Вас слишком долго не было, – проговорила она. – К тому же, разве вам неизвестно, что я вполне сумею сама о себе позаботиться?! – Индианка намекала на свою способность к целительству. От холода у нее зуб на зуб не попадал. – Согласно моим астрологическим таблицам над вами нависла какая-то опасность, – мрачно пророчествовала Мира.

– Это на тебя гроза так действует, – ответил я.

– Впечатлительная натура, – проговорил Кинрю с плохо скрываемой иронией в голосе.

Индианка ничего не ответила.

– Да ведь бал закончился раньше обычного, – начал я по-неволе оправдываться. – Раньше половины третьего по домам никогда и не разъезжаются.

– Предчувствия обычно не обманывают меня, – промолвила Мира и шагнула в дверь, предварявшую коридор.

Она нечаянно задела локтем сальную свечу, которая стояла на столбике широких перил и почти стекла на ветру. Свеча, погаснув, упала на мраморную лестничную ступеньку. От слов индианки у меня мороз пробежал по коже. Я невольно начинал верить в мистическую природу происходящего. Тем более что, будучи масоном, я был посвящен в некоторые церемониальные тайны. А кое-какие обряды нашего братства имели мистический смысл! Но слова древней клятвы связывают меня, чтобы я мог упомянуть о большем.

В столовой уже был накрыт стол, из супницы доносился аппетитный аромат бульона, на тарелках красовались пышные пирожки к супу, графинчик был полон tenerифа – любимого мною сорта яблочного вина.

Мира скрылась в своем будуаре, чтобы переодеться к столу. Я тоже отправился напрямик в свою комнату, чтобы облечься в домашнее платье, прежде чем приступить к горячему ужину. Я только удивлялся, как Мира умудрялась со всем этим справляться. Лучшей экономки я себе и вообразить бы не смог!

Мира вернулась из своей комнаты в длинном индийском

сари золотисто-янтарного цвета. Запястья индианки были унизаны золотыми браслетами, перстни на тонких пальцах переливались обилием драгоценных камней, в ушах раскачивались массивные кольца, на лбу она нарисовала тикку – красную точку, которая должна была защищать ее от злых духов. Я подумал, что Мира решила напомнить мне о том, что она – дочь раджи.

Волосы индианки влажными завитыми змейками спускались ей на плечи и спину. Их прикрывала тончайшая оранжевая вуаль, расшитая золотом. Она неслышно ступала сафьяновыми туфлями по навощенному паркету.

Мира поставила на стол несколько шандалов со свечами и фарфоровую вазу с цветами, только что срезанными в теплице.

– Яков Андреевич, вам удалось познакомиться с юной графиней? – с искренним интересом осведомилась она.

– Нет, – я покачал головой, – потому как возникли некоторые совсем непредвиденные обстоятельства. – После этого мне пришлось пересказать Мире историю, приключившуюся с Еленой Олениной у Вяземских на балу.

– Все это очень странно, – проговорила Мира в ответ.

* * *

Не успел я проснуться на следующее утро, как в дверь заглянула Мира. На ней был батистовый пеньюар, отделанный

французским нежно-розовым кружевом. Она обычно вставала намного раньше меня. Но сегодня в ней никто бы не узнал дочки индийского магараджи. Это была необыкновенно красивая европейская женщина с точеной фигурой и копной иссиня-черных волос, высоко убранных в косы и украшенных локонами с живыми розанами. Несколько завитков игриво покачивались у нее у виска, там, где, просвечивая сквозь смуглую кожу, пульсировала голубоватая жилка.

– Что стряслось? – спросил я, вальяжно потягиваясь на турецком диване с шелковой обивкой.

– Божена Феликсовна пожаловали, – сообщила Мира с ядовитой улыбочкой. – Так что, Яков Андреевич, поторопитесь спуститься в гостиную! – приказала она.

– За что ты ее так не любишь? – осведомился я.

– А за что мне ее любить? – в свою очередь поинтересовалась Мира и захлопнула дверь у меня перед носом.

Увы, но с Боженой они невзлюбили друг друга с первого взгляда. Я должен был признать, что они обе ревновали меня друг к другу.

* * *

– Я смотрю, братец, ты неплохо устроился, – Божена кивнула на Миру, сверкнув сапфировыми глазами.

– Грех жаловаться, – усмехнулся я, усаживаясь в кресло возле камина, в котором потрескивало красновато-рыжее

пламя.

Божена последовала моему примеру и присела на оттоманку, возле Мириных клавикордов. Она во все глаза рассматривала золотую статуэтку индийского божка, стоявшую на столике напротив.

– Я хотела поговорить с тобой, – заявила Божена, снимая перчатки с изящных рук.

Выглядела моя сестрица, как обычно, божественно. Темно-синий атлас восхитительно шел к ее необыкновенным глазам, золотистые локоны соперничали с новомодной прической моей индианки, роскошная кашмирская шаль спускалась до пят.

– О чем же ты хотела поговорить? – спросил я заинтересованно, в то время как Мира послала в столовую горничную за фруктами.

– Разумеется, об Олениной, – повела плечами Зизевская. – Я поняла так, что ты, братец, – она бросила пылкий взгляд в мою сторону, – принимаешь самое непосредственное участие в ее судьбе. Или я ошибаюсь?

– Нет, моя милая, ты, как всегда, права, – согласился я. – Кстати, ты могла бы оказать мне одну неоценимую услугу...

– Кажется, я догадываюсь, какого рода будет эта услуга, – усмехнулась Божена.

Я молитвенно сложил руки у себя на груди.

– Разве я смогу тебе отказать? – Божена Феликсовна все еще продолжала улыбаться. – Элен всегда слыла несколько

странной девушкой, – лицо моей кухни приняло серьезное выражение. – Этаким меланхолическим особым, – пояснила она. – Наталья Михайловна опасалась, что не сумеет... Как бы это сказать по деликатнее? Пристроить ее! По крайней мере, в свете ходили такие слухи.

– За ней и раньше водились какие-либо странности? – поинтересовался я.

– Ну, не так чтобы очень, – протянула Божена. – Я бы сказала, что Элен временами грустила, временами мечтала...

– Разве это так уж необычно для светской барышни? – нахмурилась индианка.

– Нет, – пожала Божена плечами. – Ей и жених подходящий сыскался. Поэт, кажется. К тому же, он офицер того же Семеновского полка, в котором служат Оленин и Кузнецов, – пояснила она.

– А вот об этом женихе, милая Божена, вы не могли бы рассказать мне подробнее? – принял я охотничью стойку.

– Да я о нем ничего особенного не знаю, – смутилась Божена. – Хотя... Дайте-ка припомнить! Кажется, он однажды выступал у меня в салоне на рауте. Андрей Раневский, – наконец, вспомнила она. – Да и Елене он, насколько я помню, нравился. Дело шло к свадьбе, но неожиданно помолвка расстроилась.

– Из-за чего? – в гостиной появился Кирю.

– Кузнецов уличил его в чем-то недостойном, – нахмурилась кухня. – Кажется, он оказался всем должен, – Божена

брезгливо передернула плечиком. – В свете шептались, что они даже стрелялись с ним из-за этого! Разумеется, Наталья Михайловна отказала ему от дома. Ох уж эти молодые люди! – Божена картинно возвела глаза к потолку, украшенному лепниной. – Потом Раневский уехал. Не знаю, правда, куда!

– Неужели это он сейчас преследует и пугает бедную девушку? – удивился Кинрю.

– Все может быть, – пробормотал я задумчиво. – Хотя, в этом случае разгадка оказалась бы неправдоподобно легкой! Значит, все дело было в его долгах, – заметил я после короткой паузы.

– Похоже, что так, – пожалала плечами Божена Феликсовна, оправляя тюлевые ажурные рукава. Длинные серьги отбрасывали причудливые тени на ее шею и белоснежные плечи.

– Ну что же, – протянул я задумчиво, – надо бы подробнее разузнать про этого Андрея Раневского!

– Не сомневаюсь, Яков Андреевич, что вы эту попытку непременно предпримете, – усмехнулся Кинрю. Он переглянулся с Мирой, которая в ответ кивнула ему.

– А вам не кажется, что Ленину кто-то жестоко разыгрывает? – неожиданно спросила Божена, накручивая на палец короткие колечки золотистых волос, ниспадавших на плечи.

– В этом мире возможно все, – отозвался я.

– А вы?.. – в этот раз Божена обратилась к моей индианке. – Разве вы не в силах предсказать Якову, кто морочит

наивную голову бедняжке графине? Вы ведь, кажется, у нас ясновидящая? – Божена в упор уставилась на нее. – Или вы всерьез полагаете, что участь Элен решают темные силы?

– Ну, я не столь могущественна, как могло показаться с первого взгляда, – парировала Мира с ехидной улыбочкой на устах. – Хотя, я могла бы предсказать судьбу лично вам! – Мира сказала это таким тоном, будто бросила Божене вызов.

– Ну, если вы настаиваете, – пожала плечами Божена, и я заметил, что моей индианке удалось ее заинтриговать.

– Тогда я должна позвать Сварупа и сделать кое-какие приготовления, – сказала Мира. – Вы не могли бы пока прогуляться в библиотеку?

– О! – Божена зааплодировала. – Я вижу, что вы, моя дорогая, настроены весьма решительно!

* * *

– Кто такой Сваруп? – поинтересовалась Божена Феликсовна, когда под руку со мной по просьбе Миры покинула гостиную. – Что за чертовщина творится под крышей этого дома? Яков, я не удивлюсь, если тебе тоже в скором времени начнут являться какие-нибудь вампиры и оборотни! – округлила глаза Божена.

– Вам ли об этом говорить? – покачал я головой в ответ. – Не вы ли, кузина, одно время сдружились с госпожой Буксгевден и зачастили на собрания ее секты в Михайловский

замок? Не вы ли всегда были увлечены всякой мистикой и оккультизмом? Вам ли осуждать прихоти Миры?!

– Ты не ответил на мой вопрос, – сухо пробормотала Божена.

Я пожалел, что вовремя не прикусил свой длинный язык. После того, как моя кузина рассорилась с графиней, эта тема для нее оставалась весьма болезненной.

– Сваруп – это старый слуга Миры, которого она привезла с собой из Индии, – объяснил я.

– Мне кажется, братец, что ты забыл об одном одолжении... – Божена прищурила свои ледяные глаза.

Я понял, что она имела в виду историю с Варей Костровой, которую она пристроила в Михайловский замок по моей просьбе, когда мы с Кинрю боролись за наполеоновскую казну. Только одному Богу известно, чего стоил Божене ее разговор с графиней!

– Не горячитесь, Божена Феликсовна, – смиренно попросил я кузину. – Мне не хотелось вас обидеть, моя несравненная очаровательница, – я поцеловал ее руку, источавшую аромат вербены, пачули и римских свечей.

– Ну, хорошо, – смилостивилась моя Цирцея. – Тебе удалось уже что-нибудь узнать? – почему-то шепотом спросила она.

– Кинрю видел какого-то человека в белом бурнусе под окнами Вяземских как раз в тот момент, когда юная графиня лишилась сознания, – ответил я.

– Только и всего? – вздохнула Божена.

– Только и всего, – отозвался я, разводя руками.

В этот момент по лестнице со второго этажа спустилась Мира в сопровождении Сварупа, несшего ее заветный ящик, обклеенный разноцветной бумагой. В этом ящике моя индианка прятала свои волшебные индуистские принадлежности. При виде Сварупа я невольно коснулся ладонью груди – под рубашкой скрывался пентакль – оберег в виде двойного ромба, с выгравированной на нем древнееврейской буквой Алеф. Старик-индиец сам выплавил его по приказанию своей госпожи в ее комнате «демонов», где Мира хранила все свои тайны и баловалась колдовством.

Вообще же, Мире в нашем доме принадлежали три комнаты на втором этаже, слева по коридору. Одна из них была отведена под спальню, другая – под будуар, ну а в третьей, как сказала бы моя экстравагантная кухня, презиращая мнения света, творилось черт знает что такое.

– Еще пару минут, – пообещала Мира, – и все будет готово! – С этими словами она скрылась за дверью гостиной.

– Яков, а почему ты не женишься на ней? – вдруг спросила меня Божена Феликсовна. – Это было бы вполне в твоём духе, – усмехнулась она.

Я просто не нашелся, что ей на это ответить.

Спустя несколько минут появился Кинрю.

– Мира велела позвать вас в гостиную, – сообщил японец с заговорщическим видом.

– Ну, раз Мира велела, – Божена развела изящными ручками – тогда мы уже идем.

* * *

В комнате царил полумрак. Окна были задрапированы бархатными гардинами, круглый стол накрыт черным бархатным покрывалом, расшитым золотыми пятиконечными звездами. Пентаграммы всю жизнь преследовали меня, едва я, будучи всего девятнадцати лет от роду, переступил порог «храмины тайной».

Мира была облачена в европейское платье из черного крепа, украшенное золотой тесьмой, с косынкой, перекрещенной на груди. На шее индианки красовалось ожерелье в виде змеи. Ее голову с распущенными черными волосами венчал тюрбан из черной кашмирской шали, украшенный эгреткой.

Сваруп подал Мире из ее разноцветного ящика палочки с благовониями, которые она немедленно жгла. Гостиная сразу наполнилась ароматами стиракса, ладана и можжевельника.

Индианка зажгла две свечи, натертые сандаловым маслом, и поставила их в бронзовые подсвечники. Потом она прошептала какие-то заклинания на языке марахти и извлекла из ящика колоду карт.

Божена внимательно следила за индианкой, старясь не пропустить ни единого ее движения.

– По-моему, она собирается соперничать с девицей Анной-Аделаидой Ленорман, – прошептала мне на ухо кузина, продолжая следить за руками индианки, которая священнодействовала с козырями колоды Таро. – Той самой, что предсказала корону Жозефине де Богарне, ставшей через некоторое время женой императора Бонапарта.

– Тсс, – Золотой дракон прижал палец к губам.

Тем не менее Божена продолжила:

– Между прочим, Наполеон изгнал гадалку из Парижа в 1808 году, после того, как она предсказала ему падение, – кузина бросила на меня многозначительный взгляд.

– К сожалению или, может быть, к счастью, я не Наполеон Бонапарт, – отозвался я шепотом.

Мира оторвала взор черных глаз от своего расклада.

– Судьба отказывается отвечать вам! – воскликнула она. – Здесь речь явно идет о чем-то совсем другом, – взволнованно проговорила индианка. – О чем-то неизмеримо более важном!

– Ну вот, – усмехнулась Божена, – теперь и судьба от меня отвернулась, – разочарованно проговорила она.

– Нет, нет! Дело совсем не в этом! – замахала индианка руками. – Просто карты пытаются предупредить нас о какой-то опасности, – задумчиво проговорила она. – Опасности, которая напрямую касается вас, Яков Андреевич!

– Милая моя Мира, – улыбнулся я ей, – и не надоест тебе каждый раз предсказывать мне одно и то же!

Индианка на меня не обиделась, так как знала, что где-то в глубине души я всегда безоговорочно верю ее предсказаниям. Она кивнула Сварупу, и он поднял гардины. Сноп яркого света сразу ворвался в гостиную. Мира велела отнести свои принадлежности в комнату «демонов», и все мы сразу почувствовали какое-то облегчение.

– Итак, братец, – осведомилась Божена Феликсовна, – что же ты теперь собираешься делать? – Она поправила сережку с брильянтами, которая едва не вылетела у нее из уха.

Я понимал, что она беспокоилась за меня. Мне также было известно, что Божена сильно ко мне привязана, несмотря на то, что кузина пыталась всеми силами это скрывать.

– Прежде всего навестить прислугу Вяземских, – ответил я. – Ведь кто-то же, кроме Кинрю, должен был видеть подозрительного господина в бурнусе, – уверенно заявил я. – К тому же, мне бы очень хотелось расспросить горничную, приводившую в чувство Элен, не обмолвилась ли графиня какой-нибудь фразой в беспамятстве, которая смогла бы меня навести на какие-либо размышления.

– Я с вами, Яков Андреевич, – тут же промолвил мой ангел-хранитель.

– Тогда собирайся! – велел я ему.

– Ну, значит, и мне пора честь знать, – нервно улыбнулась Божена. – Держите меня в курсе событий, – попросила она.

II

Я выехал из дома в собственном экипаже. Мой Золотой дракон, как и обещал, сопровождал меня. До Обуховского проспекта мы добирались около получаса.

– Вряд ли лакей станет с вами разговаривать, – нарушил молчание Юкио, разглядывая из окошка кареты прохожих.

– Это почему же? – осведомился я. Японец иногда своими фразами ставил меня в тупик.

– Если этот таинственный господин действительно имеет какое-то отношение к обмороку Элен Олениной, то он наверняка в сговоре с лакеем, который его сопровождал. Иначе и быть не может! – уверенно заявил Кинрю.

– В этом, пожалуй, ты прав, – согласился я. – Но попробовать-то стоит! Чем черт не шутит? А? Попытка – не пытка!

– Я не верю ни в бога, ни в дьявола, – покачал головой Кинрю.

– А в предсказания Миры? – усмехнулся я.

– Ну, если только самую малость, – отозвался мой Золотой дракон. Механическим движением он поправил булавку для галстука.

Наконец, я вышел из экипажа и направился к особняку. В этот раз японец настоял на том, чтобы сопровождать меня.

Я несколько раз постучался в двери парадного входа. Наконец, на пороге появился человек в лакейской ливрее и во

все глаза уставился на японца.

– Эко диво! – пробормотал он себе под нос.

Кинрю ткнул меня локтем в бок, давая понять, что это и есть тот самый человек, который сопровождал таинственного незнакомца в бурнусе в то самое мгновение, когда в танцевальном зале особняка случился пожар.

– Господа-то еще почивать изволят, – развел руками лакей. – Я и доложить о вас не могу, – добавил он с кислой миной на рябом, испорченном оспой лице.

Я не мог оторвать взгляда от висящего мешочка кожи под его подбородком.

– Ты лучше мне, милый, скажи, что за человек здесь под окнами околачивался, когда в бальном зале штофная гардина зажглась, – велел я ему, протягивая империял.

– Какой еще такой человек? – насторожился лакей и попытался к двери. Он даже деньги не взял. – Не видел я никого! Не знаю!

– Ну что ж, – не стал я настаивать, – тогда проводи нас к горничной, которая приводила в чувство графиню Оленину.

– Отдыхает она, – испуганно пробормотал лакей.

– А ты разбуди! – сказал я уже в приказном тоне.

– Ну, хорошо, – наконец согласился лакей. – Подождите немного, господа! Анфиску я вам на крыльцо, так уж и быть, уговорили, выведу!

– Ну, что я говорил, – самодовольно изрек Кинрю, когда лакей скрылся за дверью. – У этого-то рыльце тоже в пушку!

– Завидная проницательность, – ответил я полусерьезно-полушутя. Японец покосился в мою сторону, насупился, но ничего не ответил.

Наконец на пороге особняка показалась молоденькая горничная в бесхитростном темном платье, ситцевом крахмальном переднике и в белой косынке на голове.

– Так ты и есть Анфиса? – осведомился я, смерив ее с ног до головы придирчивым взглядом.

– Я и есть, – девчонка захлопала ресницами и залилась краской, как наливное яблочко. – А вы кто будете? – спросила она.

– А мы хотели у тебя справиться о здоровье графини Елены Александровны Олениной, – осторожно ответил я.

– Отчего же у меня? – удивилась горничная.

– Так ты же ее в чувство-то приводила? – спросил я, протягивая ей империал, отвергнутый неподкупным лакеем.

Анфиса начала испуганно озираться по сторонам.

– Бери, бери, – я вложил ей в руку монету. – Когда расскажешь все, как было, заплачу вдвое больше, – пообещал я.

– Ну, хорошо, – нехотя согласилась девушка. Она была такая худая, что походила на тонкую спичку с белой головкой. – Я скажу, что к обедне пошла свечку поставить, а сама в кофейню пойду. Знаете, в ту, которая здесь, на берегу Мойки ближе всего? Так вы меня в ней и дожидайтесь!

На этом мы с ней и условились. Анфиса скрылась в господском особняке с флигелями, а я вместе с Кинрю отпра-

вился к своему экипажу.

– Вы полагаете, Яков Андреевич, что горничная расскажет вам что-нибудь стоящее? – поинтересовался Золотой дракон, щурясь от солнца.

– Не знаю, – я в ответ только пожал плечами. – Остается надеяться!

Анфиса долго ждать себя не заставила. Она назначила встречу в той самой кофейне, где я когда-то встречался с княгиней Полянской, возлюбленной бальи Мальтийского Ордена. Поэтому обстановка в кофейне волновала меня и будила воспоминания, которые я считал глубоко похороненными в глубине души.

– Ну вот и я, – запыхавшись проговорила горничная. – Что вы хотите знать? – осведомилась она, сглотнув ком в горле.

– Графиня Оленина что-нибудь говорила в беспмятстве? – задал я первый вопрос.

– Да, – кивнула горничная, – что-то про свадьбу, флердоранж и чеснок, – сказала она.

– Про что? Про что? – удивился японец.

– Ну, я же сказала, – Анфиса надула пухлые губки, которые ярким пятном выделялись на ее истощенном лице. – Мне и самой показалось странным, что... – горничная умолкла, но потом продолжила: – Я заметила у барышни на груди осиновый крестик, – сказала она после короткой паузы и часто-часто заморгала ресницами. – Видно правду говорят про графиню, что она умом повредила! Или и вправду ее

нечисть замучила? А? Как вы думаете?

– Имена она какие-нибудь называла? – осведомился я, отпивая из севрской чашки глоток горячего шоколада.

– Называла, – кивнула Анфиса. – Дайте-ка вспомнить, – девушка наморщила лобик. – Она все время Андрея звала, – при упоминании этого имени мы с японцем переглянулись, – и еще какого-то Алекса.

– Что еще за Алекс? – насторожился я.

– Вам, господам, виднее, – развела руками малахольная горничная.

– И скоро графиня в чувство пришла после печального инцидента? – в свою очередь любопытствовал мой ангел-хранитель.

– Спустя час, – проговорила Анфиса в ответ. – После этого мать с братом ее домой увезли. Но она была все еще в горячке, – оговорилась горничная. – Твердила, что душа ее проклята на вечные адские муки! Уж и не знаю, что за грех такой на графине, – пожалала девушка хрупкими плечиками.

Я сполна расплатился с горничной, поблагодарив ее за ценную информацию.

– И что же такого важного она вам поведала, Яков Андреевич? – усмехнулся Кинрю, когда дверь за Анфисой закрылась. Знатные дамы в кофейне проводили ее удивленными взглядами.

– Еще не знаю, – отозвался я в том же тоне. – Пока ее слова только подтверждают то, что нами уже было услышано!

– И что же теперь вы собираетесь делать? – японец пылливо уставился на меня.

– Отправиться домой пообедать, – проговорил я в ответ.

* * *

Мира встретила нас на у входа в дом.

– Яков, тебя дожидается подпоручик Оленин, – встревоженно проговорила она. – Кажется, он хочет, чтобы ты срочно нанес визит его приболевшей сестрице. Он взволнован, как никогда! – Мира устремила на меня взгляд своих черных бархатных глаз, и я устыдился собственных воспоминаний о княгине Полянской.

Когда мы вошли в гостиную, я заметил, какой восхищенный взгляд бросил граф на мою индианку в темно-лиловом муаровом платье, которое заканчивалось внизу атласным бие. Ее волосы были сколоты черной бархатной токой со страусиными перьями. Мира сжала мою руку, и я почувствовал, что пальцы у нее ледяные.

Граф Владимир сидел в круглом кресле, обитом темно-зеленым штофом.

– Но где же вы пропадали, Яков Андреевич?! – воскликнул он. – Моя сестра, наконец, изъявила желание переговорить с вами, – проговорила Оленин взволнованно. – Я намекнул ей, что вы сведущи в некоторых... Как бы это сказать? В некоторых вопросах эзотерического знания, – нако-

нец, выговорил подпоручик.

– Les affaires l'ont retenu – ответила индианка. – У него действительно было много дел, – добавила она.

– Как себя чувствует ваша сестра? – осведомился я.

– Ни жива, ни мертва! – в отчаянии махнул рукой Владимир Оленин. – Я всерьез обеспокоен состоянием ее психического здоровья, – тяжело вздохнул граф. – Мне бы не хотелось, чтобы это все закончилось умопомешательством. – Он обхватил свою голову руками, и из его груди вырвался стон.

– Не волнуйтесь, – попробовал я утешить его. – Я сделаю все, что только будет возможно!

– Если еще не поздно, – тихо отозвался Оленин.

– Кстати, – неожиданно вспомнил я, – вам о чем-нибудь говорит имя Алекс?

– Откуда!? Вы-то откуда узнали его?! – воскликнул Владимир. – И до вас уже слухи дошли?

– Какие слухи? – насторожился я.

– А разве я или матушка называли вам имя вампира, преследующего мою сестру в ее бредовых фантазиях? – отозвался Оленин.

– Нет, но... В общем, я навел кое-какие справки, – мне не хотелось рассказывать графу Оленину, что я мучил расспросами горничную из дома Вяземских.

– Ну, ну, – пробормотал граф, кусая губы. – Итак, вы едете?

– Да, разумеется, – согласился я и направился к выходу,

чувствуя на себе обжигающий взгляд черных глаз индианки.
– Я прошу вас, – шепнула она на прощание, – ведите себя осторожнее!

Я с нежностью улыбнулся ей и вместе с японцем вышел из дома.

* * *

Карета остановилась у дома Олениных. Почти у самого входа я столкнулся с человеком, который прогуливался под окнами. Незнакомый мне господин и Оленин молча расскла- нялись, после чего незнакомец скрылся за оградой особняка.

– Кто это? – спросил я у графа, провожая человека насто- роженным взглядом.

– Господин Раневский вернулся, – сухо ответил он, наглу- хо застегивая воротник.

– Бывший жених Элен? – любопытствовал я.

– Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, – помор- щился граф. – Этот человек низко обошелся со всеми на- ми, – глухо добавил он и замолчал.

Я не стал настаивать на ответе, решив, что всему свое вре- мя, и обратился к Кинрю:

– Это его ты видел под окнами Вяземских, когда загоре- лась гардина?

– Нет, – покачал головой японец. – Я не уверен. Лицо то- го человека скрывал капюшон, но мне кажется, что он был

гораздо выше.

– О чем это вы? – удивился Владимир.

– Кинрю видел под окнами бального зала какого-то незнакомца в бурнусе, – ответил я, – как раз в тот момент, когда Элен лишилась сознания. Мне показалось справедливым предположить, что именно появление этого незнакомца так ее напугало. Или... – я помолчал на пару секунд, – может быть, взволновало! Разве этим незнакомцем не мог быть ее жених? Она была влюблена в него?

– Кажется, да, – раздраженно ответил Оленин. – И если именно он маячил под окнами, то ему еще придется за это ответить! – угрожающе проговорил граф Владимир. – Он и так принес слишком много несчастий нашей семье! Но если это был не Раневский, то кто?

От этого вопроса у всех мороз пробежал по коже.

– Если Элен не сумасшедшая, – продолжил граф, – Следовательно...

– Следовательно, есть некто или нечто... – подхватил я взволнованно.

– Что сводит ее с ума, – закончил за меня подпоручик. – Намеренно или не намеренно! И нам предстоит выяснить имеет ли этот незнакомец какое-либо отношение к мистике или...

– Или легенда вашего рода – всего лишь обстоятельство, умело используемое для того, чтобы свести с ума бедную девушку, – резюмировал я.

– Или, по крайней мере, выдать ее за сумасшедшую, – вставил свое слово Кинрю.

– Но кому могло понадобиться делать такое? – ужаснулся Оленин.

– Вот это-то я как раз и собираюсь выяснить, – ответил я, переступая порог графского дома.

Мы снова поднялись на второй этаж. В этот раз Юкио Хачуми и здесь сопровождал меня, а не стал, как в прошлый раз, дожидаться в карете.

Наталья Михайловна, завидев его, едва не задохнулась от возмущения. Однако ей удалось пересилить себя, и она промолчала.

«В этом доме только еще азиатов и не хватало!» – было написано на ее лице.

– Элен сама изъявила желание с вами переговорить, – сказала она, приглашая меня в гостиную, обставленную красивой мебелью из какой-то дорогой мастерской, вероятней всего, от Гамбса. – Сейчас я велю пригласить ее, – величественно произнесла она и дернула бисерный шнур сонетки.

– Я сам за ней схожу, – опередил ее Владимир и скрылся в полумраке длинного коридора.

Сегодня графиня Наталья Михайловна выглядела не так великолепно, как в прошлый раз. Похоже, что она переживала за свою падчерицу или за репутацию семейства, которая могла в этот раз пострадать. Мало ли чем мог быть вызван обморок графини Элен?!

Она устало присела в глубокое кресло, оправив пышные атласные юбки.

– Наталья Михайловна, – обратился я к ней, – что вы можете сказать мне о вашем несостоявшемся зяте Раневском?

– А, вы уже и про этого прохвоста успели пронюхать, – сквозь зубы процедила она. – Мошенник, каких еще свет не видывал, – вспыхнула графиня. – Наделал в Петербурге долгов, а платить-то и нечем! Хорошо еще, что мы узнали вовремя! И то благодаря Машенькиному жениху, – добавила Наталья Михайловна, тяжело вздохнув. – Вот истинно благородный человек, – прослезилась она. – Взял это дело в свои руки, с кредиторами расплатился. И все ради Машеньки! Но довольно об этом!

В этот самый момент на пороге появилась Элен в сопровождении Владимира. Она выглядела утомленной в своем бледно-голубом кисейном капоте, отделанном искусственными камелиями и лионскими кружевами. Ее кожа казалась мертвенно-бледной и какой-то обескровленной. Она на свету будто просвечивала. Я и впрямь разглядел у нее на груди осиновый крестик. Элен проследила за моим взглядом.

– Я его у богомолки купила, у божьей странницы, – тихим голосом объяснила она, кутаясь в шаль. Юную графиню знобило. Ее бросало то в жар, то в холод – это было сильно заметно.

– Но зачем? – В свою очередь осведомился Владимир с выражением сострадания на лице. – Ты прилегла бы на от-

томанку, – попросил он ее.

– Все блажь! – всплеснула руками Наталья Михайловна. Она возвела глаза к потолку и перекрестилась.

– На осине Иуда повесился, – невозмутимо сказала Елена, – она всякую нечесть отпугивает, – юная графиня сложила тонкие руки у себя на груди.

– А чеснок-то у тебя в комнате для чего? – простонала Наталья Михайловна. – Весь дом провонял уже!

– Матушка! – шикнул Владимир. – Выбирайте, наконец, выражения.

– Не смейте мне указывать, молодой человек, – сверкнула на него черными глазами вдова.

Подпоручик осекся и замолчал, уставившись в пустоту.

– Чеснок – это символ очистительного огня, в котором сгорает вся нечисть, – с лихорадочным блеском в глазах проговорила Элен.

– Ну вот! Вы слышали? – Наталья Михайловна в отчаянии развела руками. – Ты же в могилу себя сведешь своими бреднями! – обратилась она к Элен.

– А кто такой Алекс? – поинтересовался я, внимательно вглядываясь в лицо Елены.

– Так вы, стало быть, уже все знаете? – не притворно удивилась она. – Значит, верно о вас говорил Владимир, что вы в какие-то там тайные обряды посвящены? – Она медленно опустилась на круглый стул с высокой спинкой.

– Что? Что? – уставилась на меня Наталья Михайловна. В

этот момент я понял, что она принадлежала как раз к тем людям, которые думали, будто масоны хотят погубить Россию, считая нас проводниками французского влияния на Россию, сторонниками вольности и революции... – Так вы масон, – прошептала она. – Как же я сразу не догадалась?! Как ты мог?! – накинулась Наталья Михайловна на графа Владимира.

Из ее слов я заключил, что она ничего не знала о принадлежности своего покойного мужа и пасынка к вольному братству свободных каменщиков.

– Вы не ответили на мой вопрос, графиня, – напомнил я.

– Алекс – вампир, – тихо сказала Элен. – Тот самый, что преследует женщин из рода Олениных, – объяснила она. – Он выбрал меня своей нареченной женой.

«Так вот, значит, откуда этот горячечный бред про свадьбу и флердоранж! Но кто же сыграл с ней такую кошмарную шутку?! Неужели, отвергнутый жених? Как-то все это странно», – размышлял я, вглядываясь в ее измученное лицо.

– И когда должна состояться свадьба? – как можно, спокойнее осведомился я.

– Алекс сказал, что как только я буду готова, – прошептала Елена, глотая слезы. – Он мучает меня уже больше месяца, является мне по ночам, оставляет какие-нибудь знаки, рассказывает о своей несчастной любви, предательстве и женском коварстве. – Графиня заплакала и закрыла лицо ладо-

нями.

– Какие такие знаки? – поинтересовался Кинрю.

– Всекие надписи, – сказала Елена, – на стенах. Не верите? Если хотите, то я покажу!

– Очень хотим, – ответил я.

– Тогда идемте со мной, – поднялась Елена со стула.

– Снова эти чудачества, – вздохнула Наталья Михайловна.

Однако и она все же последовала за приемной дочерью.

– Эта надпись на стене в моей комнате, – дрожащим голосом проговорила Элен. Она едва держалась на ногах, и Владимиру пришлось взять ее под руку.

– И в самом деле будто кто из нее кровь сосет, – угрюмо проговорила вдова.

Стены в комнате графини Елены Александровны Олениной были расписаны цветочным орнаментом по китайскому шелку. Комната была обставлена изящной мебелью. Два зеркала в узорных рамах стояли друг против друга. На них – бронзовые светильники. На шифоньерке лежали пяльца с незаконченной вышивкой; рядом – «бобик»; на секретере – изящный альбом; кровать у окна застелена несколькими белоснежными покрывалами. Два мягких кресла стояли на паркетном полу, а чуть поодаль от них – диванчик, прикрытый цветным покрывалом. Здесь же был низкий столик перед киотом, на котором стояла и едва-едва теплилась свеча, рядом с которой лежал молитвенник. Вся комната была уставлена фарфоровыми вазами с высокими роскошны-

ми оранжерейными розами на длинных ножках. Половина из них увяла, но в будуаре стоял удушающий розовый запах, от которого начинали кружиться даже самые трезвые головы.

– И где же ваша надпись? – осведомился я.

Графиня Элен растерянно озиралась по сторонам, словно попала в какую-то чужую страну.

– Здесь же была, на шелке, – прошептала она.

– Это только доказывает, что ты все выдумала! – вскричала Наталья Михайловна. – Или что ты... – вдова не договорила до конца своей фразы, но все поняли, что она хотела этим сказать.

Владимир закрыл лицо руками.

– Вы думаете, что я сумасшедшая, – пролепетала Элен и снова заплакала. Она выглядела такой жалкой, что даже мне стало как-то не по себе.

– Вы, по крайней мере, можете хотя бы сказать, что там было написано? – Я старался говорить с Еленой как можно мягче, чтобы по нечаянности не усугубить ее и без того плачевное состояние.

Элен на какое-то время перестала рыдать, вытерла слезы батистовым белым платком и подняла на меня свои светло-голубые глаза.

– Рок, – дрогнувшим голосом проговорила графиня Оленина, – На стене моей комнаты всегда появляется слово «рок», – убежденно повторила она. – Его пишут кровью.

– Или красными чернилами, – вставил свое слово Кинрю.

– Если его, вообще, пишут, – скептически заметила Наталья Михайловна.

– Вы можете с Лушей переговорить, – всхлипнула Елена Оленина. – Она тоже видела эту надпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.